

Сняв с него обувь и чулки, Фэн Цинь принял от Сяфэна горячее полотенце и вытер руки и лицо Цзян И.

Цзян И ощущал некоторую неловкость, но от усталости не мог открыть глаза. Он изо всех сил старался сохранять ясность ума, намереваясь дождаться ухода Фэн Циня и только потом уснуть.

Фэн Цинь велел всем слугам выйти, сел на край кровати и стал смотреть на спящее лицо Цзян И.

Из-за дремоты веки Цзян И не дрожали. Фэн Цинь подумал, что он действительно заснул, и расслабленно прислонился к изголовью.

Раньше Цзян И тоже спал рядом с ним, но он никогда не желал внимательно вглядываться в лицо Фэн Циня.

В душе у Цзян И царил путаница. Он не понимал, почему Фэн Цинь не уходит, а пока тот находился здесь, он не мог успокоиться и уснуть.

Когда Цзян И уже собирался сдаться и провалиться в сон, он внезапно услышал нежный, до необычайности мягкий голос Фэн Циня:

— Цинчэнь, спи спокойно.

Цзян И резко открыл глаза, и мгновенно вся сонливость исчезла. Удивление в его взгляде невозможно было скрыть.

Фэн Цинь, увидев, что он внезапно проснулся, сначала удивился, решив, что разбудил его. Но заметив испуганный и изумленный взгляд, он вдруг осознал, что дело обстоит не так просто.

Цзян И оказался в полной растерянности.

Цинчэнь — это прозвище, которое Фэн Цинь дал ему, производное от элемента «перо» в его имени «И». По правилам, прозвище не должно было даваться возлюбленным, но в то время они были близки, и Цзян И принял его. Это прозвище использовал только Фэн Цинь, остальные о нем не знали.

Фэн Цинь, глядя на отсутствующий взгляд Цзян И, уже догадался об истине и снова окликнул:

— Цинчэнь.

Цзян И очнулся, и его взгляд на Фэн Циня стал сложнее. Если бы он не открыл глаза сразу и не выказал удивления, возможно, он смог бы найти оправдание и сделать вид, что ничего не знает, но сейчас было уже поздно.

Что еще могло смущать Фэн Циня? В порыве чувств он схватил руку Цзян И.

— Ты... я...

Его душу переполняли слова, но он не знал, с чего начать.

Дойдя до этого момента, Цзян И решил, что больше не нужно притворяться, и высвободил руку.

— Раз так, Ваше Высочество, нет нужды притворяться в глубоких чувствах, чтобы обмануть меня.

Фэн Цинь, чувствуя, как рука его скользнула, лишившись тепла, горько усмехнулся.

— Сам я наделал бед, и ты вправе не прощать меня.

Цзян И нахмурился. Их отношения зашли уже так далеко, зачем Фэн Циню нужно его прощение?

Фэн Цинь укрыл Цзян И одеялом.

— Я знаю, что сейчас, что бы я ни сказал, ты будешь думать, что я обманываю тебя. В прошлой жизни ты ушел из жизни рано, и тебе не ведомо мое раскаяние. Но Небо дало мне шанс начать все заново, и я больше не подведу тебя, а также не совершу поступков, о которых буду жалеть всю жизнь. Ты можешь не верить моим словам, но посмотри на будущее. Если я скажу больше, это будет похоже на сладкие речи, чтобы обмануть тебя.

Цзян И все еще был в замешательстве и лишь спустя долгое время спросил:

— В прошлой жизни моя семья... была ли она благополучна?

Возможно, для других этот вопрос казался бессмысленным, но для него, после смерти, это было самое важное, о чем он беспокоился, оставаясь в полном неведении.

— Все было хорошо. В прошлой жизни, когда с тобой случилось несчастье, я осознал свои чувства. Твой отец и старший брат были преисполнены гнева, позже я объединился с ними, чтобы узурпировать трон. После успеха я казнил первого принца через растяжение пятью лошадьми, сжег его и бросил в братскую могилу. Твоего отца я возвел в ранг маркиза, а брата произвел в генералы первого ранга. Затем я отправился к твоей гробнице, а по возвращении потерял сознание. Очнувшись, я оказался в резиденции князя Люя, — произнес Фэн Цинь.

Цзян И немного успокоился.

— Благодарю Вас, Ваше Высочество, за заботу.

— Я не пришел ради твоей благодарности, — ответил Фэн Цинь.

Цзян И тоже переродился, поэтому его изменения становились понятны. Фэн Цинь также внезапно понял, почему Цзян И почти не ел еду в резиденции, а когда они ели вместе, либо брал очень мало, либо отказывался под предлогом недомогания желудка, употребляя лишь то, что готовил Сяфэн. Цзян И боялся, что он подсыпает яд в еду, именно так он поступал в прошлой жизни. Если бы он был на его месте, он бы вел себя так же.

Цзян И промолчал. На этом этапе он чувствовал, что любые слова будут лишними.

Фэн Цинь вздохнул. Нужно действовать постепенно, что еще оставалось делать?

— Как твое здоровье... — Фэн Цинь хотел узнать, действительно ли болен Цзян И или это притворство.

Цзян И ответил:

— Когда я очнулся, тело оказалось в таком состоянии, оно не такое крепкое, как в прошлой

жизни.

Фэн Цинь предпочел бы думать, что Цзян И притворяется.

— Будем понемногу лечиться. С наступлением зимы переедем в поместье, скорее поправишься и меньше будешь страдать.

Цзян И промолчал.

Фэн Цинь смотрел на него некоторое время, примерно понимая, о чем он думает, но в этом вопросе он не мог пойти навстречу желаниям Цзян И.

— Юсин!

Юсин вбежал мелким шагом.

— Слуга здесь.

— Пойди, попроси Сяфэна приготовить для Цзян И суп от похмелья. — Сейчас Цзян И, казалось, уже не хотел спать, но действие алкоголя еще не прошло, и в этот момент ему, несомненно, было плохо.

— Слушаюсь.

После выхода Юсина Фэн Цинь произнес:

— Цинчэнь, во всем остальном ты можешь поступать как хочешь, но этот брак нельзя расторгнуть.

Эти слова Фэн Циня перечеркнули все планы Цзян И.

— Зачем?

Фэн Цинь тоже чувствовал свое бессилие.

— Сейчас, что бы я ни сказал, ты, вероятно, не поверишь. Как мне тогда объяснить?

— Тебе известна преданность моего отца и старшего брата. Даже если мы не поженимся, пока ты не причинишь вреда мне и дому Цзян, мои родители и брат непременно будут верны тебе.

— Цинчэнь, я хочу жениться на тебе, потому что люблю тебя, и это не связано ни с чем другим.

— Фэн Цинь сжал его руку, заставляя смотреть на себя. — В прошлой жизни я осознал свои чувства лишь после получения твоего письма. Я был виноват перед тобой, и в этой жизни я хочу искупить свою вину. Я не прошу тебя дать мне шанс, лишь бы ты не удалялся от меня слишком далеко.

Цзян И опустил голову, в душе поднималась волна горечи. О прошлой жизни он больше не хотел думать, каждое воспоминание приносило пронзительную боль. Но в этой жизни он поверил Фэн Циню хотя бы на десятую долю. Во всяком случае, если бы это было не так, Фэн Цинь не стал бы так заботливо ухаживать за ним, когда он был пьян и «спал», и не стал бы тайком называть его «Цинчэнь» у постели.

Фэн Цинь отпустил руку Цзян И и вместо этого накрыл ее своей ладонью.

— Будем двигаться потихоньку. Хочешь ненавидь, хочешь обвиняй, лишь бы не отвергал моих чувств. Все на твое усмотрение.

Цзян И молча вынул руку. Раньше Фэн Цинь никогда бы не произнес таких слов. Но он тоже испугался. Однажды укушенный змеей, десять лет боится веревки — это как раз про него.

В тишине Сяфэн приготовил суп от похмелья.

Цзян И выпил немного, и после пережитого потрясения и печали осталась лишь усталость.

— Спи, — Фэн Цинь снова уложил Цзян И и укрывал одеялом.

Цзян И поднял на него глаза.

— Ваше Высочество, идите также отдыхать.

Пока Фэн Цинь здесь, как он мог уснуть?

Фэн Цинь не собирался больше мучить Цзян И, наклонился, поцеловал его в лоб и поднялся, чтобы уйти.

Цзян И мысленно вздохнул. События этого вечера были слишком бурными, и он слишком устал. Разобраться со всем можно будет завтра утром, после пробуждения...

Вернувшись в главный двор, Фэн Цинь не мог уснуть. Он велел принести два кувшина вина «Зеленый бамбук» и сидел в комнате, пьяня в одиночестве.

Если бы Цзян И ничего не знал, он был уверен, что смог бы заставить его полюбить себя. Но теперь Цзян И все знал, все помнил — что же он мог сделать?

Это чувство бессилия, пожалуй, можно было заглушить только вином.

Юсин не мог успокоиться и, услышав в комнате звук разбившегося о пол кувшина, вбежал туда, низко поклоняясь.

В комнате Фэн Цинь уже был пьян, шатаясь, он обнимал другой кувшин.

Юсин поспешил к нему и стал уговаривать:

— Ваше Высочество, не пейте больше, излишнее вредит здоровью.

Фэн Цинь не обращал на него внимания и продолжал пить.

Юсин не смел отнимать кувшин и не понимал, что случилось с князем, поэтому продолжал увещевать:

— Ваше Высочество, ничто не важнее вашего здоровья, не пейте больше. Эй, Ваше Высочество, идите сюда, не пораньте ноги осколками.

Сказав это, он подмигнул вошедшей следом служанке, та проворно вошла и стала убирать осколки, не смея издать даже звука.

Фэн Цинь, хоть и был пьян, все еще думал о Цзян И.

— Цзян... Цзян И где?

Юсин поспешно ответил:

— Ваше Высочество, второй господин спит во дворе Утренней Росы.

— Пошли! Ищем его! — Фэн Цинь, пошатываясь, направился к выходу.

Юсин спешил удержать его:

— Ваше Высочество, второй господин только что лег, если вы пойдете сейчас, то разбудите его.

Он знал, что хозяин ценит второго господина из семьи Цзян, поэтому осмелился дать такой совет.

<http://bllate.org/book/16585/1515378>